

Абузар БАГИРОВ,
доктор филологических наук,
профессор Университета МГИМО МИД РФ,
ведущий научный сотрудник ИМЛИ им. А.М. Горького РАН

ДРАМА МЕЧТАТЕЛЯ СВОБОДЫ

Творцы художественного слова на протяжении жизни выполняют сакральную миссию, играя роль созидательного посредника между Всевышним и просвещёнными людьми. Ниспосланную им с небес информацию они облачают в форму художественных текстов-посланий и доносят до поколений читателей. Благородные цели художественного слова во все времена остаются неизменными: руководствуясь общечеловеческими ценностями, призывать людей к добру, справедливости, гуманности; облагородить, смягчить нрав человека; помочь ему ужиться с себе подобными, создавая для себя и окружающих материальные и духовные блага. Все люди, независимо от расовой, национальной, религиозной принадлежности, созданы равными, и равенство их в общественной жизни должно быть гарантировано. И художественная литература всегда занималась и занимается насаждением в обществе гуманистических идеалов.

История письменной азербайджанской литературы изобилует именами великих мастеров словесности, которые ратовали за гуманистические идеи в качестве фундаментальной основы миропорядка. В этом ряду особое место занимает имя **видного драматурга, поэта, прозаика, киносценариста, переводчика Джафара Джаббарлы. Явившись основоположником азербайджанской драматургии советского периода**, он за свою обидно короткую жизнь успел оставить богатое творческое наследие: романтические стихи и поэмы, реалистические рассказы и повести, талантливые киносценарии и либретто, первоклассные переводы прозы и драмы русских и мировых литературных классиков, и наконец, более десяти ярких, событийных оригинальных драматических произведений.

Джафар Гафар оглу Джаббарлы родился 20 марта 1899 года в деревне Хызы Бакинской губернии в семье

угольщика. Отец его занимался заготовкой угля из собранного в лесу сухостоя. Однажды Гафар киши во время работы из-за несчастного случая повредил глаз, и семья была вынуждена переехать в Баку. Здесь их ожидали трудные дни. Вскоре глава семьи окончательно ослеп на оба глаза, перестал выходить из дома, и в 1902 году ушёл из жизни. Вся тяжесть семейных забот легла на хрупкие плечи овдовевшей Шахбике ханум. Она стала убирать и стирать в домах зажиточных семей, чтобы хоть как-то свести концы с концами. **Несмотря на все житейские тяготы, в 1905 году мать определила Джафара в медресе**, где мальчик проучился два года. В 1908–1912 годы он учился в городской русско-азербайджанской школе №7, где его любимыми учителями были известные азербайджанские педагоги – прозаик **Сулейман Сани Ахундов** (1875–1939) и прозаик, поэт **Абдулла Шаиг** (1881–1959).

В 1913–1915 годы Джафар завершил среднее образование в Бакинской высшей общеобразовательной школе №3, а в 1915–1916 годы учился на электромеханическом отделении Бакинского политехнического училища. Одновременно подрабатывал счетоводом в бакалейной лавке.

Литературный дебют Джафара Джаббарлы состоялся **3 апреля 1915 года в журнале «Мектеб» («Школа»)** стихотворением «Весна». Его стихи «На закате одна сирота...» были удостоены первой премии на конкурсе молодых литераторов, объявленном журналом «Гуртулуш» («Освобождение»).

В 1915 году юный литератор создал своё первое драматическое произведение **«Верная Сарийя или смех сквозь слёзы»**, а в 1916 году – историческую пьесу **«Насреддин шах»**, рассказы **«Аслан и Фархад»**, **«Мансур и Ситара»**, либретто оперы «Ситара». В том же году в журнале «Бабайи-Эмир» («Дедушка Амир») были опубликованы **сатирические стихотворения** Джафара Джаббарлы. Пьеса **«Увядавшие цветы»** и сатирическое стихотворение **«Рекомендации мусульманам, готовящимся к празднику Новруз»** были опубликованы в газете «Басират» («Прозорливость») в 1917 году.

Период 23-месячного существования Азербайджанской Демократической Республики (28.05.1918–28.04.1920) явился самой счастливой порой в жизни Джафара Джаббарлы. Он **работал в редакции официальной газеты «Азербайджан», а также секретарём-стенографистом правительства**, с 1919 года стал членом правящей партии «Мусават». В этот период были завершены трагедии **«Битва при Траблисе»**, **«Улдуз»**,

Джафар Джаббарлы в студенческие годы

«Покорение Эдирны», в 1919 г. написана пьеса **«Айдын»**.

После оккупации Азербайджана советской Россией Джафар Джаббарлы работал в газетах **«Вести Временного революционного комитета Азербайджана»**, **«Коммунист»** литературным сотрудником и переводчиком. С этого времени он на долгие годы был связан с главной партийной газетой республики.

В 1921 году Джафар поступил на медицинский факультет Азербайджанского государственного университета, однако из-за отсутствия тяги к медицине вскоре перешёл на факультет востоковедения. Одновременно посещал драматический кружок при Тюркском рабочем театре в Баку, а университет окончил лишь в 1929 году.

Поразительно, что Джафар Джаббарлы всегда был на творческом подъёме: в 1923 году завершил романтическую драму **«Октай элоглу»** и написал трагедию в стихах **«Река Араз»** (рукопись утеряна), знаковые стихотворения **«Мать»** и **«Угнетённому Востоку»**, поэму **«Девичья башня»** и др. В 1924 году появились аналитически-обзорная статья **«Нынешнее состояние азербайджанской литературы»**, рассказы «Гюльзар» и «Дилара», вызвавшие живой интерес литературной общественности того времени. Главные

Джафар Джаббарлы в период АДР (1918-1920)

героини рассказов «Дильбер» (1927), «Гюлер», «Фируза» (1934) органически дополняют раскрытые, свободные азербайджанские женские образы в творчестве Джафара Джаббарлы.

В 1928 году неутомимый драматург написал романтическую драму **«Невеста огня»** и сугубо реалистическую пьесу **«Севиль»**, и оба произведения имели большой успех на сцене. В том же году автор написал сценарий для кино на основе своей драмы «Севиль» и по пьесе **М.Ф. Ахундова** (1812–1878) **«Гаджи Гара»**.

В 1930 году Джафар Джаббарлы был назначен заведующим литературной частью и режиссёром-постановщиком Азербайджанского государственного драматического театра. В этом же году он завершил работу над пьесой **«Алмаз»**, которая 13 апреля 1931 года была поставлена на сцене театра в режиссуре самого автора. В том же году была написана пьеса **«В 1905 году»** со смелыми подтекстами, разоблачающая политику царского самодержавия по разжиганию межнациональной розни на Южном Кавказе. Внимательным читателям

и зрителям авторский замысел был ясен – власть действовала по принципу «разделяй и властвуй».

Следующий, 1932 год был ещё плодотворнее: переведен шекспировский «Отелло», написаны и поставлены на сцене «Азгосдрамы» знаковые пьесы **«Поворот»** и **«Яшар»**. В 1933 году Джафар Джаббарлы написал либретто к опере Рейнгольда Глиэра (1875–1956) «Шахсенем», и за эту работу был удостоен почётной грамоты ЦИК Азербайджана. На основе комедии гениального Джагила Мамедкулизаде (1869–1932) «Мертвецы» он подготовил киносценарий, вёл активную работу для съёмки фильма по собственной пьесе «Алмаз». Кстати, **Джафар Джаббарлы является основоположником азербайджанской школы киносценаристов**. По мотивам двух его пьес были сняты фильмы «Севиль» (1929) и «Алмаз» (1936), посвященные теме борьбы за права женщины Востока. В этом же году за творческие успехи Джафар Джаббарлы был удостоен почётного звания «заслуженный деятель искусств Азербайджана».

Весной 1934 года по настойчивой рекомендации гениального поэта Самеда Вургуня (1906–1956) **Джафар Джаббарлы был принят в члены Союза писателей Азербайджана, и 17 августа того же года в составе делегации СП участвовал в Первом съезде Союза писателей СССР**. Его яркое выступление на русском языке вызвало огромный интерес среди делегатов, и он был единогласно избран в правление Союза писателей СССР. Теоретический постулат о форме и содержании произведения, а также о воздействии литературного произведения на разум и чувства, высказанный Джафаром Джаббарлы в речи на съезде, актуален и по сей день: *«Можно, конечно, писать обо всём: и о Беломорском канале, и о страховой кассе, но это будет уже только техника, а не искусство – сроком на один год, пока пьесе все успеют увидеть по одному разу. Ведь каждое содержание требует соответственной формы, и всякий подмен приведёт лишь к механистичности. Если писатель не чувствует формы, в которую он облакает своё произведение, если он не заряжен, если он не возбуждается от действий своего героя и у него по спине не бегают мурашки, то он своего зрителя не зарядит. Он подействует на его разум, на сознание, но чувства зрителя останутся свободными от воздействия. А произведение, которое рассчитано только на сознание, а не на чувства одновременно, – это не искусство. Писатель, который не умеет заряжаться и заряжать своего читателя, драматург, который не умеет сделать так, чтобы зритель плакал или*

**Джафар Джаббарлы (стоит 4-й слева) среди деятелей литературы
Азербайджана конца 20-х годов XX века**

смеялся по его воле, – это не писатель, это не драматург. Такому писателю или драматургу лучше заняться бухгалтерией или чем-нибудь другим, но, во всяком случае, не искусством».

Джафар Джаббарлы, кроме родного азербайджанского, **свободно владел арабским, персидским и русским языками**. Он оставил немало высокопрофессиональных художественных переводов из европейских и русских авторов: «Гамлет» и «Отелло» Уильяма Шекспира (1564–1616), «Разбойники» Фридриха Шиллера (1759–1805), «Женитьба Фигаро» Пьера Бомарше (1732–1799), «Детство», «Весельчак» Максима Горького (1868–1936), «Интервенция» Льва Славина (1896–1984), «Страх» Александра Афиногенова (1904–1941) и др.

Джафар Джаббарлы пришёл в литературу, когда социально-политическая обстановка в Азербайджане была весьма сложной. В условиях подъема национально-демократического движения молодой писатель проникся патриотизмом и большинство своих произведений посвятил жизни простого народа. **Своими учителями он выбрал писате-**

лей-демократов, реалистов М.Ф.Ахундова, Дж.Мамедкулизаде и М.А.Сабира (1862–1911). Все его произведения **глубоко отражают реальную жизнь азербайджанского народа, его героическую историю, достоверно рисуя характер и судьбы конкретных персонажей.** Элементы сентиментальности автор использует для подчёркивания реальной действительности. В своих произведениях он с большим романтическим пафосом ставил злободневные вопросы, стремясь мобилизовать общественное мнение против явлений, мешающих народу идти вперёд по пути развития.

Идея свободы, свободного человека характерна для всех произведений Джафара Джаббарлы. За короткое время, **вкусив сладость Независимости, великий драматург до конца своих дней не забывал её** и даже в условиях коммунистической империи в своих произведениях исподволь проводил мысль о свободном Азербайджане.

Следующее замечание ведущего архитектора независимости Азербайджана, великого демократа **Мухаммеда Эмина Расулзаде (1884–1955)** как

Одна из последних прижизненных фотографий Джафара Джаббарлы

Литература

1. Первый всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчёт. Москва, «Художественная литература», 1934. VI том. 718 с.
2. Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi: 3 cildə. Sovet dövrü. III cild. Red. Məmməd Arif Dadaşzadə, Əziz Mirəhmədov. Bakı, AzSSR EA, 1957. 563 s.
3. Антология азербайджанской поэзии. В трёх томах. Том второй. Составители: Мамедгусейн Тахмасиб, Микаил Рзакулизаде, Наби Бабаев (Хазри) Москва, «Художественная литература», 1960. 328 с.
4. Очерк истории азербайджанской советской литературы. Ответственные редакторы: З.С. Кедрин, Г.Б. Бабаев. Издательство Академии наук СССР, Москва, 1963. 570 с.
5. Azərbaycan sovet ədəbiyyatı. Ali məktəblər üçün dərslik. Redaktorlar Əziz Mirəhmədov, Bəxtiyar Vahabzadə, Firudin Hüseynov. Bakı: Maarif, 1966. 436 s.
6. Azərbaycan sovet ədəbiyyatı tarixi. İki cildə. Baş redaktor M.Arif, redaktorlar H.Babayev, Q.Qasimzadə, B.Nəbiyev. Birinci cild. Bakı, AzSSR EA, 1967. 636 s.
7. Əhmədov T.Ə. Azərbaycan yazıçıları. Ensiklopedik məlumat kitabı. Bakı, 2004. 984 s.
8. Cəfər Cabbarlı. Əsərləri, 4 cildə. III cild. Tərt. edən, ön sözün və şərhlərin müəllifi Asif Rüstəmli. Bakı, Şərq – Qərb, 2005. 368 s.
9. Иса Габиббейли. Азербайджанская литература начала XX века. Москва, «Триада», 2008. 176 с.
10. Антология азербайджанской поэзии. В трёх томах. Том второй. Главный редактор Анар, Составитель проф. Гасан Гулиев. Баку, «Нурлан», 2009. 336 с.
11. Əhmədov B.B. XX əsr Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi 3 cildə. II cild. Bakı, "Apostrof" Çap Evi, 2010. 434 s.
12. Ягублу Н.Г. Энциклопедия Мухаммеда Эмина Расулзаде. Баку, 2014. 448 с.

нельзя лучше характеризует истинное положение основоположника реалистической азербайджанской драматургии после советизации: «...Из всех писателей предыдущего периода наибольший успех при советской власти выпадает на долю Джафара Джаббарлы. Радикальный склад его ума, социальное происхождение, излюбленные темы, в большинстве взятые из жизни обездоленных и страдающих, служат причиной **терпимого отношения к нему большевиков. Они считают его своим попутчиком.** Его пьесы, правда, не без переработки и строжайшей цензуры, разрешаются к печати и к постановке...»

Остаётся добавить, что в произведениях Джафара Джаббарлы всегда сквозило **чувство тревоги за судьбу Родины.** Все эти внутренние переживания сыграли свою злую роль, и душевная драма великого драматурга подвела его к неожиданно трагически раннему финалу – сердце остановилось, не выдержав непрестанной психологической нагрузки. Ушёл из жизни в расцвете физических и творческих сил 31 декабря 1934 года. Ему было всего-то 35 лет.

Незабвенный драматург Джафар Джаббарлы похоронен в Баку на Аллее почётного захоронения. ❀

The article briefly describes the biography and activities of outstanding Azerbaijani playwright and poet of the first half of the 20th century, Jafar Jabbarli.

**Джафар Джаббарлы в кругу семьи.
Фото 1928 года**

СТРАНА МОЯ

Заоблачные пики величавы,
Вершин вершины есть в стране моей.
Как изумрудный шёлк, нарядны травы;
Луга, равнины есть в стране моей.

В степях просторных, на горах высоких
Трудолюбивых вижу сыновей.
Леса, озёра, реки и дороги,
И перевалы есть в стране моей.

В озёрах утки плавают и гуси,
В лесах таится множество зверей,

А девушки плетут венки искусно.
Красавиц много есть в стране моей.

У ног моей страны играет Каспий,
Баку – центр нефти – главный город в ней,
И с каждым днём все ярче и прекрасней
Сияет слава родины моей!

Перевод Николая Глазкова

ДАН УЛДУЗУ (УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА)

В беспросветной ночи ожидая тебя,
Потерял я терпение, дан улдузу!
Чуть было не ослеп, проглядел все глаза.
Может зря моё бдение, дан улдузу?

Что же счастье моё запоздало, ответь?
Уж Венера взошла, а тебя нет и нет.
Иль меня обольстил твой обманчивый свет,
Поманило свечение, дан улдузу?

И, стремясь за тобою, не чуял я ног,
И на каждом шагу то куст, то пенёк.
И немало прошёл каменистых дорог.
Ты моё наваждение, дан улдузу!

И пути-перепутья вконец извели.
Вдруг звезда показалась, мерцающая вдали –
Это ты, это ты! Нас дороги свели!
О моё упоение, дан улдузу!

Перевод Сиявуша Мамедзаде

**Похоронная процессия несет гроб с телом Джафара Джаббарлы к
Аллею почетного захоронения в Баку**

Надгробие Джафара Джаббарлы на Аллее почётного захоронения в Баку

СЕВИЛЬ

**Пьеса в четырёх действиях
(в сокращении)**

Действующие лица:

Севи́ль – неграмотная азербайджанка

Балаш – её муж

Гюлюш – сестра Балаша

Атакиши – отец Балаша

Бабакиши – отец Севи́ль.

Гюндуз – мальчик, сын Севи́ль

Эди́ля (Дильбер) – образованная азербайджанка

Абдулалли бек, Мамедали – друзья Эдили

Тафта – прислуга

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

**Солнце садится за далёкие горы, и город
постепенно погружается в темноту.**

**Комната в старом доме, убранная в сме-
шанном восточном и европейском стиле.**

**Старинные полки, карнизы, ниши с расстав-
ленной посудой и пр. Тут же пианино, гар-
дероб, европейская мебель. Севи́ль сидит у
пианино и, ударяя одним пальцем, печальным
голосом поёт:**

Севи́ль. Мой жестокий, милый друг!

Память горше яда мне.

Ах, судьба хотя б на миг

Не была отрадой мне,

Мой жестокий, милый друг!

Что с тобою, милый друг?

Ты такой унылый, друг!

Кто-то подучил тебя.

Был другим ты с милой, друг!

Что с тобою милый друг?

**Входит Гюлюш с лампой и повторяет послед-
нюю строку песни.**

Гюлюш. Что ты, Севи́ль, такая скучная? Не больна
ли?

Севи́ль. Нет, Гюлюш, я здорова.

Гюлюш. Как здорова? И глаза у тебя красные. Опять
плакала?

Севи́ль. Мне грустно, Гюлюш. Сегодня Балаша нет
так долго...

Гюлюш. И ты сидишь голодная, ждёшь его?

Севи́ль. А как же, Гюлюш? Хуже отравы хлеб, что мы
едим. Бедный Балаш работает дни и ночи, из сил
выбивается. Даже покушать ему некогда. Вот уже
второй день домой не приходит.

Гюлюш. Ну, и что же, Севи́ль?

Севи́ль. Как что? Раньше мы были бедны. День тру-
дились, а вечером ели свой хлеб с радостью. Жили,
не тужили. А теперь, слава богу, имеем достаток.
Да что толку? Друг друга не видим. Он работает
голодный. Да и мне в горло хлеб не идёт.

Гюлюш. Ах, Севи́ль. Какая же ты наивная! Откуда
знаешь, что он работает дни и ночи и ничего не
ест?

Севи́ль. Как не знаю?

Гюлюш. Ты же с ним рядом не сидишь?

Севи́ль. Сам говорит. Где же он бывает, если не рабо-
тает? Забежит домой, выпьет впопыхах стаканчик

Фрагмент экспозиции дома-музея Джафара Джаббарлы в Баку

чая и опять на работу. Пропади пропадом такая работа, что и дни отнимает и ночи. И несчастны же наши женщины! Русским женщинам куда легче. Вот, хотя бы жена Ивана. Жалованье у неё больше, чем у мужа. А мы сидим и ждём, что муж принесёт. Ах, если бы я умела что-нибудь делать! Как бы я помогала Балашу!

Гюлюш. Бедная ты моя Севиль. Если бы ты знала, что творится на свете! **(Берёт с этажерки письмо)** Что это за письмо?

Севиль. Не знаю. Оно было в книге Балаша. Утром я подняла с пола.

Гюлюш. **(Пробежав письмо)** Опять от неё...

Севиль. От кого, Гюлюш? **(Гюлюш в сердцах комкает письмо)** Ты осторожнее, Гюлюш. Порвёшь. Там карточка. Погляди, какая хорошенькая барышня, с гребешком на голове, да с цветком на груди...

Гюлюш. Ах, какая ты жалкая, Севиль. Над твоей головой разыгрывается трагедия, а ты целый день сидишь голодная и ждёшь Балаша.

Севиль. А как же быть, Гюлюш? Ну, скажи, что делать? Он, бедняга, трудится, а мне... до еды ли?..

Гюлюш. А ты знаешь эту женщину?

Севиль. Где мне? Я только карточку её видала. А вот, другую он к стене прибил. Вместе, говорит, служим. Как-то я предложила ему, чтобы и мы с ним снялись вместе и карточку прибили к стенке. Да он не согласился... Как ты думаешь, Гюлюш? Я выйду на карточке? Ах, боже мой, как мне хочется иметь

свою карточку, поглядеть, как я выйду.

Гюлюш. Пойдём, Севиль, со мной. Тебя снимут.

Севиль. Нет, нет. Разве Балаш согласится? Без него я шагу не могу сделать. Ах, Гюлюш, если бы я была такая, как ты. Я бы училась и помогала ему.

Гюлюш. Бедная Севиль! Какая жалкая!

Севиль. Гюлюш, милая, скажи, почему ты за последнее время меня всё бедной да жалкой называешь?

Гюлюш. Ах, Севиль, ты и впрямь бедная, жалкая. На всё ты смотришь глазами Балаша. Тебе хочется, чтобы весь мир служил только ради его счастья. А для себя тебе ничего не надо.

Севиль. Ну да! Что я без него? Да будет благословенна его тень над моей головой.

Гюлюш. Его тень – вот эта чёрная чадра. Пока она

Дом-музей Джафара Джаббарлы в городе Хызы

на тебе, ты не перестанешь быть жалкой.

Севи́ль. А что же делать?

Гюлюш. Сними и брось.

Севи́ль. А Балаш? Разве согласится? Он против того, чтобы и ты ходила открытой.

Гюлюш. Но я всё же хожу...

Севи́ль. Ну, ты уж прослыла сумасшедшей. Что он может сказать тебе? Он тебя и сестрой не считает. Помешанная, говорит. А я ему жена. Как могу не слушаться его? Муж-то ведь – тень бога.

Гюлюш. Глупости! Ни бога нет, ни его тени.

Севи́ль. Прости, господи!.. Не говори так, Гюлюш! Нехорошо!

Гюлюш. Ты, Севи́ль, страшно жалкая. Ты слепо веришь в людей. На глазах твоих чёрная повязка. Я хотела бы содрать её, но боюсь, выдержишь ли ты весь ужас, который предстанет перед твоим взором.

Севи́ль. Как ты сказала, Гюлюш? Узоры принесёшь?

Гюлюш. Какие узоры?

Севи́ль. Не знаю... Ты же сказала, подвязки порвёшь и узоры принесёшь. **(Гюлюш смеётся)** Да не смейся, Гюлюш. Объясни лучше, что ты хочешь делать?

Гюлюш. Эх, Севи́ль! Земля соскочила со своей оси. Мир переживает землетрясение...

Севи́ль. Что ты говоришь? Будет землетрясение? Да не смейся же. Скажи, а почему ты подвязки порвёшь?

Гюлюш. Эх, Севи́ль! Теперь уже игра подходит к концу. Ещё немного, и ты сама прозреешь...

Входит Атакиши. Лаская маленького сына Севи́ль, он поёт ему народную песню.

Атакиши. В дар табун коней получи –

Ах, дитя, скорей поскачи!

И коров, и змей можем дать –

Ах, начни скорей лепетать!

Гюлюш. У кого ты этим словам научился, папа?

Атакиши. Эти слова ещё матушка твоя певала.

Севи́ль. И ты так хорошо их запомнил?

Атакиши. Много я их знал, да позабыл. **(Лаская ребёнка, продолжает напевать ему)**

И просо дальних гор,

И лотосы озёр,

И злой колдуньи взор

Тебе, малютка, в дар!

И соловья напев,

И молодой посев,

И много старых дев –

Тебе, малютка, в дар!

Гюлюш. **(Смеется)** Вот это хорошо! Почему же только девы, и то старые? А мужчины?

Севи́ль. Мужчина – опора дома. А женщина что?

Приткнётся в угол, точно мешок с золой. Ни богу свеча, ни чёрту кочерга... Только знаешь, дядя, такие песни Балашу не нравятся. Говорит, это мужицкие песни... Надо, говорит, баюшки петь...

Атакиши. Что с того, что мужицкие? Видать, переучился, да ума лишился. Это что такое – баюшки?

Севи́ль. Не знаю. Я просила его научить меня, но ему всё некогда.

Гюлюш. Требовать он время найдёт, а учить – некогда.

Атакиши. Ну, да ладно. Раз не нравится, не будем петь. Уж стемнело. Возьми-ка ребёнка, а я за водой схожу.

Севи́ль. Не надо, дядя. У тебя рука больная. Лучше я кого-нибудь пошлю...

Атакиши. Что ты, дочка? Экая мудрость – воду таскать. Скучно мне без дела. Я в жизни без работы не сидел. А теперь ничего не поделаешь. Искалечила мне руку проклятая машина, домоседом сделала. Не то бы я...

Севи́ль. И зачем это, дядя? Слава богу, нужды не терпим.

Атакиши. Не в нужде дело, дочка. Уж таков закон. Коли человек в доме без заработка, его ни во что не ставят. На что мать, и та больше любит того сына, кто больше зарабатывает. Да разве я такой был? Помню, в молодости с твоим отцом, с Бабакиши... Хороший мужик... Давно не вижу шельму...

Севи́ль. И я шестой год не вижу...

Атакиши. Тогда он был словно откормленный ослёнок. Да... Мы с ним в лес по дрова ходили. Видишь вот эту руку? За какое дерево ни брался, с корнями вырывал, да на бок валил. А дубинка моя! Скалы дробила. Как-то, помню, хватил Гасана по задку, да так, что ровно два месяца ему сдобное тесто прикладывали. Еле выжил. Да, дочка. Были времена... А теперь проклятая машина сделала меня несчастным... У сына приживальцем, дармоедом стал. Что ни ем, словно яд глотаю.

Севи́ль. Ради бога, дядя, перестань... Аж сердце сжалось. Услышит Балаш такие речи, осерчает. От кого же человеку и помощи ждать, как не от сына?

Атакиши. Это-то верно, дочка. Плохо ли, хорошо ли, всё-таки сын. Только я с детства привык к самостоятельности. Я и богу послушен не был. Следы от копыт моей лошади, небось, и по сей день с гор и долин не стёрлись. Ах, если бы рука моя работала. Теперь одно у меня осталось утешение: ведро воды да вязанка дров. Хоть этого меня не лишайте.

Севи́ль. Ради бога, дядя! Что ты говоришь? Для кого же бедный Балаш зарабатывает?

Гюлюш. **(Надевая пальто)** Ты верно говоришь, отец. Твоя искалеченная рука беспомощна в водо-

вороте нынешней жизни. В этом облачении ты ни на что не годен.

Атакиши. Ты это зря, дочка. Это добрый тулуп. От деда отцу, а от отца мне достался.

Гюлюш. Дед и отец... Всё это прошло. Забудь о них. Тебе надо стать человеком сегодняшнего дня, облачиться в новую одежду, надеть новую шапку...

Атакиши. Что же это за новая шапка?

Гюлюш. (Снимая свою кепку) Вот она, новая шапка!

Севи́ль. Да, что ты, Гюлюш, с ума сошла?

Гюлюш. А в этом виде ты обречён на смерть.

Севи́ль. Как то есть на смерть?

Гюлюш. Да, на смерть. А ведь ты ещё не стар и крепок, как железо. Балаш же тебя не понимает. Он скрывает тебя от жизни, он усыпляет тебя, подавляет твою волю. Перед лицом нарастающей бури он хочет оставить тебя без силы. Но ты не робей, отец. Слушайся меня, и я дам тебе жизнь.

Атакиши. Потому-то я и молю бога о смерти. Что бы ни говорили, лучше умереть, чем полагаться на милость женщины.

Гюлюш. Нет, отец, у меня не найдёшь милости. Я отведу тебя к врачу. Он вылечит тебе руку. Я буду беспощадна к тебе. В знойные летние дни, когда губы трескаются от жажды, ты будешь таскать воду, а в морозные зимние ночи носить дрова, топить печь. И мы с тобой будем вместе греться. Я буду безжалостна с тобой: жалость оскорбила бы твою благородную натуру.

Севи́ль. Ты её не слушай, дядя. Балаш всегда говорит, что она не в своём уме. Чего нам беспокоиться? Слава богу, у нас теперь и дом, и деньги, и хозяйство. Можем жить, не нуждаясь. Поди-ка лучше за водой. Я сейчас ведра приготовлю.

Гюлюш. Хочешь, отец, я определяю тебя на курсы машинистов?

Атакиши. Нет, нет, дочка! Подальше от машин! Это дьявольское дело. Мне страшно и подумать.

Гюлюш. Нет, отец, теперь век машины. От неё никуда не убежишь. В один прекрасный день ураган культуры разнесёт эти старинные полки, развалит этот дом, и ты, оголённый, очутишься лицом к лицу с новой техникой, с машиной. Не забывай одного: машина, что пулемёт; станешь за ней, она тебе раба, окажешься перед нею, – она тебе смерть.

Севи́ль. Пстой, пстой, Гюлюш! Ты всё твердишь о

**Памятник Джафара Джаббры на фронте здания
Музея азербайджанской литературы в Баку**

землетрясении, об урагане! Ты говоришь, что разнесёшь полки! Но почему же, почему? Объясни толком... Когда будет это землетрясение?

Гюлюш. Для тебя, Севи́ль, скоро, очень скоро. **(Уходит)**

Севи́ль. Ради бога, Гюлюш, возвращайся скорее и объясни мне, не то сердце разорвётся... Да, кстати, Балаш говорил, что сегодня у него будут гости.

Неприменно приходи. Я же совсем одна.

Гюлюш. (За дверью) Ладно, ладно...

Атакиши. Ну, дочка, дай мне ведра, я пойду.

Севи́ль и Атакиши уходят. Через минуту Севи́ль возвращается, берёт ребёнка и начинает укладывать его. Стучат в дверь.

Севи́ль. Эй, кто там? **(Севи́ль выходит открыть дверь. В комнате бьют часы. Севи́ль возвращается с отцом – Бабакиши. У него дыня в руках и мешки через плечо)** Заходи, отец. Шестой ведь год не виделись. Откуда бог несёт?

Бабакиши. В этом году, как говорится, была засуха, и я влез в долги. Повёз немного углей продать, и то, как говорится, пошло туго. Вот и пришёл в город, авось работу какую найду. Перебьюсь пока, а там посмотрим, что бог пошлёт.

Севи́ль. Ты очень кстати пришёл. Как раз я искала кого-нибудь в помощь Атакиши.

Бабакиши. Нет, дочка, это не дело. Если я у тебя буду, как говорится, неладно выйдет, тебе же будет плохо...

Севи́ль. Почему, отец? Слава богу, у нас теперь дела идут хорошо. Правда, все эти годы нам туговато приходилось, но теперь, как царя свалили, Балаш стал повышаться по службе, а теперь совсем большим человеком стал. Даже племянник Тагиева его в гости к себе зовёт. Переводчик следователя с ним за ручку здороваются. Родственник бывшего пристава вытягивается перед ним. Да уж что говорить! Оказывается, нам всё портил этот мошенник царь.

Бабакиши. Значит, дочка, как говорится, он из начальников?

Севи́ль. Да, да! Самый большой начальник. У старого царя что казна была, так вот при разделе она ему досталась...

Бабакиши. То-есть, как говорится, ему самому, что ли?

Севи́ль. Ну да, ему самому. Он всем в долг даёт, а потом собирает. Давеча я поглядела в щёлочку, как к нему какой-то господин пришёл, при золотых часах, с колечком на пальце. Брюхастый такой, важный, а к нему с просьбой приходил. Наш подписал какую-то бумагу, и тот раскланялся и ушёл. **(Показывает деньги в шкафу)** Вот видишь, всё это наше. Эти деньги тоже. Он говорил, что будет ещё больше, и сядет на месте того, кто вместо царя теперь.

Бабакиши. На что ему это? Пускай лучше покрепче, как говорится, за деньги держится.

Севи́ль. Деньги уж наши, ты не бойся. Слава богу, теперь нам хорошо.

Бабакиши. Слава богу, дочка. Ты, как говорится, порадовала старика.

Севи́ль. Кто только не кормится у нас! Нет уж, я тебя не отпущу.

Бабакиши. Ну, ладно. Пусть будет по-твоему. Теперь мне некогда. Дай-ка мне кусок хлеба. Я пойду, поищу, как говорится, не едет ли кто в деревню. Мешки послать надо.

Севи́ль. Да садись, покушай, а там и пойдёшь.

Бабакиши. Нет уж, детка! Лучше дай мне хлеба, как говорится, я по дороге кушать буду.

Севи́ль. Ну, ладно, возьми. **(Дает хлеба)** Только скорее возвращайся. А я к тому времени чего-нибудь приготовлю.

Взяв хлеб, Бабакиши уходит. Севи́ль с ребёнком переходит в другую комнату, откуда слышится её пение. Входит Балаш. Прислушивается, потом подходит к двери.

Балаш. **(Зовёт)** Севи́ль!..

Севи́ль. **(Поспешно входит)** Это ты, Балаш? Как ты прошёл, что я не заметила? Ведь весь день у окна сторожу. Раздевайся же скорее.

Проголодался? Небось со вчерашнего дня ничего не ел. Снимай вот это. **(Хочет снять пиджак)**

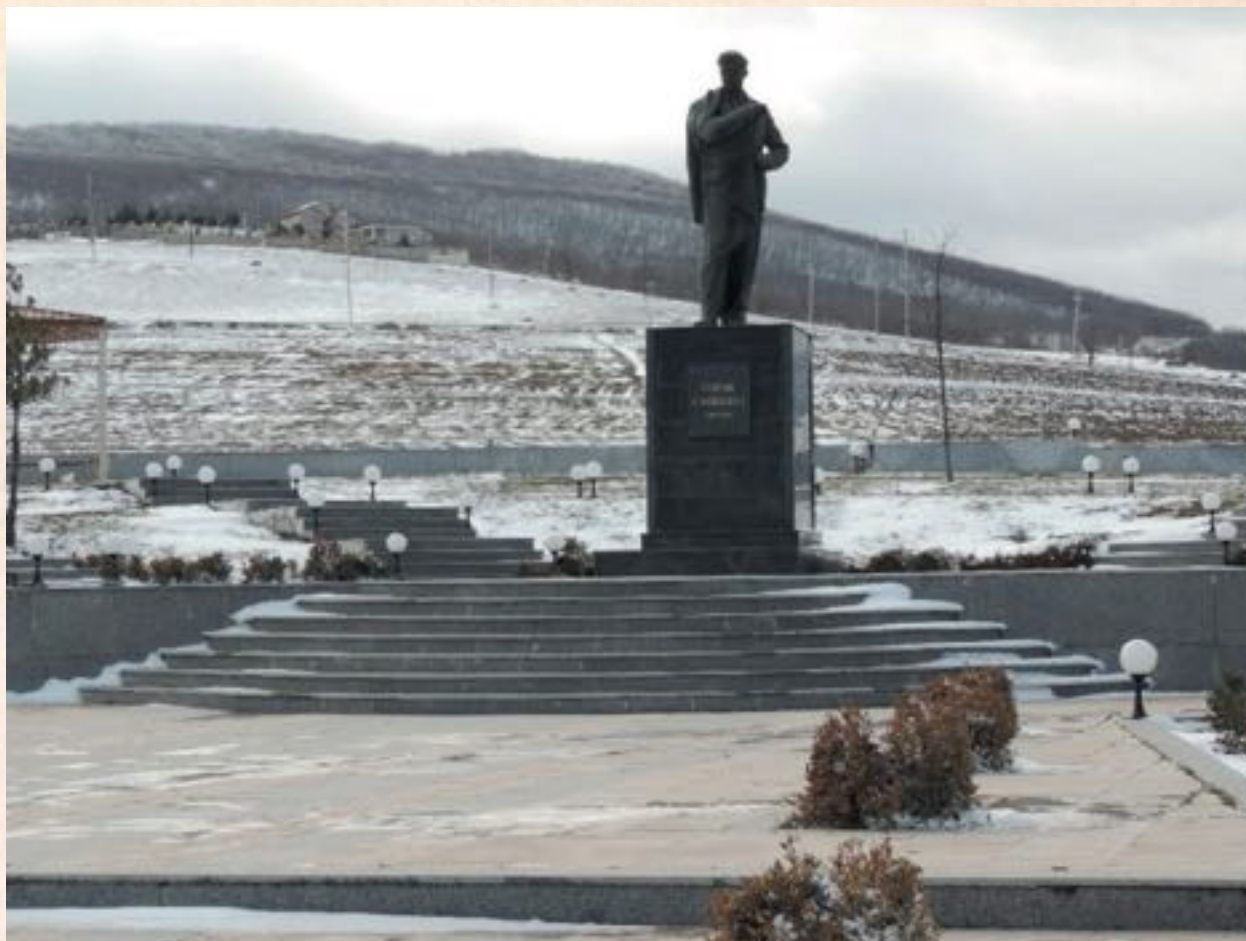
Балаш. Постой, постой! Мне некогда. Я говорил тебе, что у меня гости будут.

Севи́ль. Да ты пока садись. Ведь голоден. И я не ела. Вместе покушаем, а там и гости подойдут. И мяса купила. Только скажи, я мигом приготовлю.

Балаш. Вот тебе и на. Когда я говорю, что жизнь моя отравлена, люди не верят. Скоро полночь, а у неё ничего ещё не готово. Только скажи, гово-

Памятник Джафара Джаббарлы перед зданием Азербайджанской киностудии, носящей его имя

Памятник Джафара Джаббарлы в парке в городе Хызы

рит, мигом приготовлю.

Севи́ль. Да я же не знала, Балаш, что гости непременно будут.

Балаш. Ладно, ладно! Какой из тебя человек? Поторапливайся. Теперь не до разговоров. Скорее убери комнату и разведи огонь. Не знаю, право, даже, кто будет подавать гостям.

Севи́ль. А я бы не могла, Балаш? У меня новый платок. Накроюсь и сама буду подавать ужин.

Балаш. Нет уж, уволь. Лучше сиди в другой комнате и никому не показывайся, а отцу постели в задней комнате, пускай себе спит. Чего доброго, выйдет к гостям в своей допотопной одежде, опозорит нас.

Севи́ль. Ну, ладно. Ты сам и посиди с гостями.

Балаш. И это неудобно. Если бы были только мужчины, ещё ничего, но будет и женщина. Надо, чтобы и от нас какая-нибудь женщина за столом сидела.

Севи́ль. Скажи, Балаш, эта женщина тоже придёт, что на карточке?

Балаш. Она-то и придёт... А что с того?

Севи́ль. Да ничего, я просто так. Она с мужчинами будет сидеть?

Балаш. А то нет? Придёт с тобой суп варить.

Севи́ль. Почему же ты никогда меня к людям не пускаешь, никуда с собой не берёшь? Разве я хуже других женщин, хотя бы даже той самой, что на карточке?

Балаш. Ну, не начинай теперь рассуждать. Я врачаюсь в большом обществе, в кругу врачей, писателей, философов.

Севи́ль. Скажи, Балаш, опять родственник пристава вытягивается перед тобой?

Балаш. Куда я выведу тебя в таком платье, в этих башмаках и чулках?

Севи́ль. А ты купи мне хорошие платья, и я оденусь иначе...

Балаш. (Перебивает) Да разве дело только в платье? Ты даже ходить как следует не умеешь, говорить не умеешь, на стол накрыть не можешь, апельсин почистить, и того ты не можешь. Куда я тебя такую выведу? Словно верблюд в магазине хрустали, всю посуду перебьёшь.

Севи́ль. А что мудрёного апельсин почистить или на стол накрыть? В одну минуту я на сто гостей обед приготовлю, дыни и арбузы нарежу.

Балаш. Да что с тобой толковать, всё равно не

поймёшь. Для наших баб и мужиков ты всё можешь приготовить. Но для этого общества, где я теперь вращаюсь, ты не годишься. Там простой апельсин подаётся в сотне разных форм. Салфеточку по-разному складывают. Ну, как я тебя введу в это общество? Люди скажут, что за медведь и кто его спугнул, из лесу да прямо к людям привёл? Или отца в его пополах? Куда я его выведу? Не станут ли смеяться надо мной: каков, дескать, сын и каков родитель?

Севи́ль. Балаш! С тринадцати лет я живу в этом доме и всё время мы жили в нужде, впроголодь. Теперь бог послал нам кусок хлеба, но ты по-прежнему меня никуда не выводишь. Чего боишься? Вначале будет трудно, а потом всему научусь. Откуда эта женщина всё знает, ведь не из утробы же матери свои знания принесла?

Балаш. Она учёная, из богатой семьи. Отец её был полковник. Она всё знает, и что под землёй, и что над землёй. Бывала в Париже, окончила курсы маникюра, по-французски знает лучше француза, по-русски лучше русского. А философию как свои пять пальцев знает. А ты что знаешь? Да знаешь ли, что такое философия?

Севи́ль. Фильсафа... Фильсафа...

Балаш. Да ты и выговорить правильно не можешь.
Севи́ль. Почему не могу? Меня жена Ивана учила, как салфетки складывать. Как свои пять пальцев знаю...

Балаш. Боже мой, боже мой! Жить в этой отравленной невежеством среде хуже адских мучений.

Севи́ль. Постой, постой! Может быть, ты не о салфетке, а об чём-нибудь другом говоришь?

Балаш. Вот именно, я говорю о, том, как лепёшку печь...

Севи́ль. Ты только объясни мне, Балаш, толком. Скажи, что это такое фильсафа? Едят ли его, пьют ли, одевают ли? Только бы разок видеть, как это делают, а там, если я не сумею сделать лучше всех, то руки себе отрежу.

Балаш. Ну, уж ладно, не затевай тут дискуссий. Говорю тебе, садись в другой комнате, запишись там и не выходи на эту сторону. Поняла?

Севи́ль. Поняла, Балаш. Раз ты так хочешь, я не выйду! **(Плачет)**

Балаш. Ну, довольно. Нечего панихиду устраивать. Есть у нас стаканы?

Севи́ль. **(Подавляя слёзы)** Почему нет? На пятьдесят человек хватит.

Балаш. Да не такие! Маленькие, для водки.

Севи́ль. Разве и водку будут пить?

Балаш. А ты думала – придут тебе тут молебствие совершать?

Севи́ль. Балаш, эта женщина тоже пить будет?

Стучат в дверь. Балаш вскакивает с места.

Балаш. Пришли! Пришли! Скорей уходи в другую комнату. Запри за собой дверь. Сюда не показывайся!

Севи́ль. Хорошо, Балаш. Не покажусь... Ну, а если она сама зайдёт?

Балаш. Не зайдёт, не зайдёт. Отцу приготовь постель, пусть ляжет. Если Гюлюш придёт, смотри, чтобы не заходила в эту комнату. Она ведь сумасшедшая, ещё ляпнет что-нибудь. Для меня это хуже смерти. Слышишь меня?

Севи́ль. Ну, Балаш, ей богу, я боюсь с ней говорить. Она и без того угрожала, что все полки переломает...

Балаш. Какие полки?

Севи́ль. Говорила, что все подвязки разорвёт.

Балаш. Как то есть - подвязки разорвёт?

Севи́ль. Не знаю. Так и говорила, что будет землетрясение, все эти полки поломают и дом развалится.

Балаш. Как это - дом развалится?

Севи́ль. Не знаю, это она так говорила.

Балаш. Ну ладно, проваливай. Я сам выйду и скажу ей. Тут каждый по-своему с ума сходит. Когда бог избавит меня от этого сумасшедшего дома?

Стук повторяется. Балаш выходит. Из другой комнаты появляется Атакиши в надежной набекрень мохнатой папахе, в белых кальсонах и в накинутом на плечи тулупе. В зубах у него длинная трубка.

Атакиши. **(Кричит)** Эй! Кто там стучится?

Севи́ль. **(Подбегает к нему и в ужасе оттаскивает в другую комнату)** Дядя, дядя, не ходи туда! Идём в эту комнату, скорей, скорей! У Балаша гости. Сказал, чтобы ты никуда не выходил.

Атакиши. **(Растерянно)** Чтобы никуда не выходил? И в эту комнату?

Севи́ль. Да, да, и в эту! Скорее же, идём сюда!

Атакиши. **(Невольно подчиняясь приказу, растерянно проходит в другую комнату)** Ну, ладно... Если так надо, пойдём.

Входят Балаш, Эдия, Абдулали бек и Мамедали.

Балаш. Пожалуйста, господа! Прошу! Прошу вас, Эдия! О, если бы вы знали, как я рад вам!

Эдия. А я немного удивлена. Неужели в целом доме нет, кроме вас, никого, кто бы мог встретить гостей?

Балаш. Говоря правду, я бы не хотел делить с кем бы то ни было честь служить вам.

Эдия. Это само собою. Но вас я и без того каждый день вижу у себя. Вы же знаете, зачем я к вам пришла. Я хочу видеть вашу семью.

Фрагмент экспозиции дома-музея Джафара Джаббарлы в Баку

Балаш. Эдия...

Эдия. В культурной семье это по меньшей мере неуважение к гостю.

Балаш. Эдия, я бы не считал достойным...

Эдия. Если ваша жена недостойна того, чтобы её представляли гостям, то у вас, кажется, есть сестра. Наконец, дядя мой говорил, что тоже собирается к вам. Значит, и отец ваш должен будет присутствовать.

Балаш. Эдия, сестра у меня немного не в себе... А отец...

Эдия. Я вам заявляю решительно, не может быть, чтобы пришёл дядя и не видел вашего отца, не то сейчас же уйду. Квартира у вас ничего, но... фи, как безвкусно убрано. Пианино, гардероб и тут же старинные полки. По-моему, этот гардероб и всё такое надо убрать отсюда, и поставить ширму, диван и так далее. Получилась бы недурная восточная комната. Прямо дворец Тамерлана. Не правда ли, Абдулал бек?

Абдулал бек. Совершенная правда. Как раз и я об этом думал.

Балаш. Это лишний раз доказывает, что в доме нужна нежная женская рука.

Абдулал бек. Совершенная правда. Как раз и я об этом думал.

Мамедали. О чём это вы?

Абдулал бек. Ничего особенного, мы говорили о

том, что этот восточный инвентарь не подходит к европейской обстановке.

Мамедали. Кто это говорит?

Абдулал бек. Говорит Дильбер ханум, и мы тоже так думаем.

Мамедали. Ничего подобного, и мы так не думаем. Так гораздо лучше. Отсутствие стиля тоже своего рода стиль.

Абдулал бек. И это правильно! Как раз я об этом думал.

Эдия. Раз вы начали спорить, всему конец.

Мамедали. Нет, я вам докажу.

Эдия. Не надо, не надо. Это не так уж важно, чтобы затевать спор.

Абдулал бек. Совершенно верно. Как раз и я только что об этом думал.

Мамедали. Нет, я не согласен. Это очень важно. Это основной вопрос нашего культурного развития. На этом мы можем выяснить отношение Востока к западноевропейской цивилизации.

Абдулал бек. И это правильно: как раз я тоже об этом думал. Ведь культуру свою иностранцы у нас переняли. Мы не сумели использовать культуру ислама, и её покрыла ржавчина. Нам надо только оживить её и кое-что перенять у европейцев. В этом не будет большого греха. До сих пор мы совершали намаз на полу, теперь будем молиться на столе. До сих пор мы настилали ковер на пол, а

Вестибюль станции Бакинского метрополитена "Джафар Джаббарлы" украшен барельефом с изображением писателя и его героев

теперь будем прибавать его к стене.

Мамедали. Ничего подобного, вы понимаете культуру с обратной стороны.

Абдулал бек. Ну, а как вы изволите понимать?

Мамедали. Мы изволим понимать так, что до сих пор мы курили опиум, а теперь будем пить водку! И не рюмками, а чашками.

Балаш. Разрешите и мне высказать несколько слов.

Эдиля. Не надо, не надо. Чем спорить попусту, давайте посмотрим другие комнаты.

Абдулал бек. Правильно! Как раз и я об этом думал.

Мамедали. И вовсе неправильно! **(Первым направляется в соседнюю комнату)**

Абдулал бек. **(Берёт его за руку)** Что неправильно?

Мамедали. **(Как бы очнувшись)** А?.. Не знаю. О чём вы говорили?

Абдулал бек. Я ни о чём.

Мамедали. Ну, и я ни о чём.

Абдулал бек. **(Тихо Эдили)** Вы не забыли о бумаге дяди? **(Выходит с Мамедали)**

Эдиля. Да! Хорошо, что вспомнила. **(Ищет в сумке. Берёт Балаша за руку и задерживает его)** Куда эта бумажка делась? Вот она. Возьми, подпиши.

Балаш. **(Просмотрев бумагу)** Эдиля, это кляузное дело на двенадцать тысяч рублей.

Эдиля. Ну, ну, дурака не валяй, подпиши и всё.

Балаш. Эдиля!

Эдиля. В этом деле заинтересован и мой дядя, понимаешь?

Балаш. Эдиля, да ведь это же народные деньги!..

Эдиля. Ах, оставь свои демократические глупости. Сейчас каждый о себе думает. Ну, хватит! Я обещала, и кончено!

Балаш. Хорошо, Эдиля, я не могу отказать тебе, но, если это дело откроется, будет много неприятностей. Ведь это нечто вроде воровства.

Эдиля. Подумаешь! Воровство!.. Люди сотни таких делишек проворачивают... Подписал? Ну, давай сюда, а теперь иди. **(Берёт бумагу и направляется в другую комнату)**

Балаш. Эдиля, я бы просил тебя, если можно... Совсем неуместно... Один болен, а другая...

Эдиля. Ты всё о том же? Ну, ладно, жены не надо. Пускай сестра придёт, и отец обязательно. Иначе я не останусь, уйду, и больше никогда не увидимся.

(Проходит в другую комнату. Балаш в отчаянии ходит по комнате. Нерешительно подходит к другой двери)

Балаш. **(Зовёт)** Севиль!.. Севиль!..

Севиль. **(Выглядывает в щель)** Ты меня, зовёшь, Балаш?

Балаш. Где отец?

Севиль. Я ему постелила, и он давно спит. Ей богу, он никуда не выходил.

Балаш. Не знаю, как быть... Гости хотят его видеть.

Севиль. Не знаю. Хочешь, пойду, разбужу?

Балаш. Сам не знаю, что делать. Ну-ка, разбуди его. Посмотрим, что будет. **(Севиль уходит. Балаш подходит к двери, куда ушли гости)** Я сейчас

**Памятник Джафара Джаббарлы перед зданием
Бакинского железнодорожного вокзала**

приду, господи! Прошу меня извинить!.. **(Входит Атакиши в одном белье с накинутым на плечи тулупом и в недоумении смотрит на сына)** Не знаю, что делать. Гости хотят тебя видеть. Атакиши. Меня? Ну, что же, если хотят, пускай видят.

Балаш. Но нельзя же так, в этом платье. Надо бы немного посолиднее.

Атакиши. Это всё, что есть. Решай сам.

Балаш. Подожди-ка, поищу, не найдётся ли что-нибудь более подходящее. **(Выходит. Атакиши закуривает трубку. В это время из одной двери показывается Эдия, ищущая Балаша, а из другой – Севиль. Увидя старика в одном белье, Эдия с криком бросается обратно. Севиль тоже скрывается в свою комнату. Атакиши бежит в третью дверь и сталкивается с Балашом)** Ну-ка, сними свой тулуп.

Атакиши. **(Насторожившись)** Что ты хочешь делать, Балаш?

Балаш. Сбрось, говорю, эту самую попону.

Атакиши. **(Увидя в руках Балаша старый сюртук, брюки и феску)** Балаш, сынок, дай мне уйти куда-нибудь подальше и одному горевать своё горе. Я человек грубый, деревенский. Всё это по всем швам разойдётся на мне.

Балаш. Да это же не на всю жизнь. Одень на часик, а там опять снимешь. Ведь нельзя же тебе выходить к гостям в этом тулупе.

Атакиши. Прошу тебя, сынок! Уж лучше убей меня. Я ни звука не издам. Но это же платье покойника. Человек только вчера умер, и труп его, верно, не успел остыть...

Балаш. Ну, что мне делать? В моём собственном семействе никто меня не хочет понимать. Никто не считается ни с моим положением, ни с моей карьерой. Если вы в этом доме хоть немного считаетесь со мной, то поступайте так, как я говорю.

Атакиши. Ну, не сердись. Пусть будет по-твоему.

Балаш. Я не сержусь, но надо, чтобы всё было чинно. **(Снимает с него тулуп, натягивает на него сюртук и брюки, надевает накрахмаленный воротник и феску)** Немного тесновато, но ничего. Старайся говорить помягче, выговаривай слова с достоинством, избегай деревенских слов. Надо, чтобы было интеллигентно. Скажешь так: я рад вас приветствовать, мадмуазель. Ну-ка, скажи – мадмуазель!..

Атакиши. Мамдазил...

Балаш. Да нет же, не так. Чёрт возьми, как быть, а?

А впрочем, лучше ты вовсе не говори, даже рта не раскрывай. Я скажу, что ты немой.

Атакиши. Как немой?

Балаш. Да, да, так лучше.

Эдия. **(За сценой)** Где же вы пропали, Балаш?

Балаш. Иду! Иду! **(Тихо, обращаясь к Атакиши)** Ты подожди меня, я сейчас. **(Балаш уходит в другую комнату. Оставшись один, Атакиши растерянно озирается вокруг. Ему кажется, что он упадёт. Осторожно передвигая ноги, он пробует ходить. Вдруг глаза его останавливаются на зеркале. Увидев себя в одежде покойника, в ужасе бежит из комнаты, но на пороге спотыкается и падает. Вбегает Севиль и вскрикивает от страха. Из другой комнаты выбегает на крик Балаш).** Тише! Что ты орёшь!

Севиль. **(Дрожа от страха, показывает на дверь)** Покойник, покойник пришёл...

Перевод Азиза Шарифа